

© Бурак П.М.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Демографический энциклопедический словарь / гл. ред. Д. И. Валентей — М. : Сов. Энциклопедия, 1985. — 608 с.
2. Карабанова О. А. Психология семейных отношений : Учебное пособие / Ольга Александровна Карабанова. — Самара : Издательство СИОКПП, 2001. — 122 с.
3. Конева О. Б. Неблагополучная семья и девиантное поведение : социально-психологические признаки / Оксана Борисовна Конева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2009. — № 14 (152). Специальный выпуск. — С. 44-50
4. Куница М. Ю. Психологическая помощь созависимой личности из деструктивной семьи : диссертация ... кандидата психологических наук : 19.00.13 / Куница Марина Юрьевна. — Ставрополь, 2006. — 251 с.
5. Марчук Ж. Психологические особенности детей из неблагополучных семей [Электр. ресурс] / Жанна Марчук. — Режим доступа : <http://newsletter.iatp.by/ctr15-2.htm>
6. Назаренко С. В. Социология : Учебное пособие / Сергей Владимирович Назаренко. — СПб. : Питер, 2009. — 496 с.
7. Прибиткова І. М. Основи демографії : Посібник для студентів гуманітарних і суспільних факультетів вищих навчальних закладів / І. М. Прибиткова. — К. : «АртЕк», 1997. — 256 с.
8. Солодовников В. В. Социология социально-дезадаптированной семьи – Владимир Владимирович Солодовников. — СПб. : Директ, 2007. — 384 с.
9. Социологический энциклопедический словарь / редактор-координатор Г. В. Осипов. — М. : ИНФРА М-НОРМА, 1988. — 488 с.
10. Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л. Ф. Ильичев, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалев, В. Г. Панов — М. : Сов. Энциклопедия, 1983. — 840 с.
11. Філософський словник соціальних термінів / Під заг. ред. В. П. Андрущенко. — Х. : «Корвін», 2002. — 672 с.
12. Целуйко В. М. Психология неблагополучной семьи / Валентина Михайловна Целуйко. — М. : Изд-во ВЛАДОС-ПРЕСС, 2004. — 272 с.
13. Социальная дезадаптация [Электр. ресурс] — Режим доступа : www.azps.ru
14. Средний возраст людей, впервые вступающих в брак [Электр. ресурс] / Режим доступа : www.ukrpruddom.ua/dijest. — 16.03.2011

Бурак П. М. – кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой философии и права Белорусского государственного технологического университета (г. Минск)

УДК: 141.7

ЭВОЛЮЦИЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО КОНФОРМИЗМА И НООСФЕРНЫЙ ИМПЕРАТИВ БУДУЩЕГО

У статті розкривається зміст, механізми та наслідки еволюції цивілізаційного конформізму в умовах побудови споживчої системи відносин у суспільстві. Показано, що в постіндустріальному, інформаційному та перехідному суспільствах на території країн СНД складаються умови, які формують моральну деградацію та психологічну девіантність, включаючи параноїдальний тероризм.

Ключові слова: еволюція, цивілізаційний конформізм, споживче товариство, культурно-моральна криза, паразитизм, параноїдальний тероризм, ноосферний імператив

В статье раскрывается содержание, механизмы и результаты эволюции цивилизационного конформизма в условиях построения потребительской системы отношений в обществе. Показано же, что в постиндустриальном, информационном и переходном обществах на территории стран СНГ складываются условия, которые формируют нравственную деградацию и психологическую девиантность, включая параноидальный терроризм.

Ключевые слова: эволюция, цивилизационный конформизм, общество потребления, культурно-нравственный кризис, паразитизм, параноидальный терроризм, ноосферный императив

The content, mechanisms and results of evolution of civilized conformism in the conditions of construction of the consumption system of relationships in the society are explained in this article. It is also

shown that in the post-industrial, informational and transitional societies on the territory of the CIS countries some conditions appear that form the moral degradation and psychological deviance, including the paranoid terrorism.

Key words: evolution, civilized conformist, consumption society, cultural and moral crisis, parasitism, paranoid terrorism, noosphere imperative.

Современное общество нуждается в высокой цели, новой гуманной морали и эффективной организационной деятельности, придающих исторически перспективный цивилизационный смысл человеческому существованию и объединяющий людей для приостановления и свертывания механизмов разрушительного антропологического кризиса. На наш взгляд, одной из главных общих причин расширения границ и интенсификации данного кризиса является радикализация социоцентристской стратегии развития народов и государств, их экономики и политики. Основное звено кризиса заключается в продолжающемся выстраивании выгодных для некоторых слоев общества внутрисоциальных и международных (межгосударственных) отношений по сложившимся нормативам общества потребления. Центральным принципом стандартизации подобных отношений является принуждение другого выполнять роль средства в достижении внешней по отношению к нему цели. Поэтому провозглашение права на свободу и блага каждого оборачивается правом насилия и подчинения других со стороны тех, кто уже имеет (или сумел овладеть) ключевыми позициями в сфере экономики, финансов, производства, политики и т.д.

В любой цивилизации все важнейшие сферы жизни приспособляются к механизмам и целям потребления, а там где немногие группы людей или государств имеют доминирующие позиции конфигурация направления и объема потребления приобретает вид пирамидального эталона. Данный порядок отношений во многих современных обществах, в силу распространенности тенденции экономического развития, направленного на рост благосостояния и увеличения потребления мы и называем цивилизационным конформизмом, т.е. приспособлением всех основных структур, отношений и подсистем общества, человеческой жизни целям потребления (главному аттрактору развития).

Столь узко «заточенный» социоцентризм, как стратегия формирования внутрисоциальных и межгосударственных отношений, определяет (хотел бы этого кто или нет) соотносительный статус человеческой жизни и судьбы более слабых государств как средств в утверждении потребительски понимаемого порядка в обществе и распределения ролей по стандартам соответствующих представлений доминирующих сил.

Однако, в условиях когда основной задачей управленческих структур, принимающих решения является обеспечение сохранения и воспроизводства общества потребления, проявляется забота, прежде всего, о формировании потребительского мышления, поведения и состояния души. Многомерная природа человека (как космогеобиопсихосоциального существа) приносится в жертву одностороннему его функционированию и развитию. Иного решения общество потребления дать не может. В нем не реализуется или основательно ограничивается стратегия гармоничного (коэволюционного) развития всех основных сфер жизни общества, а, следовательно, и человека. Это тот случай, когда оказывается возможным увидеть проблему сквозь призму теоремы Геделя о неполноте. Иными словами, решение проблем стабильного развития общества в целом не может быть достигнуто идеологическими, политическими и другими средствами собственно потребительского общества. При достижении даже полной обеспеченности большие группы людей чувствуют дискомфорт в своей жизни по причине отсутствия более высокого смысла жизни. Другие, не имеющие возможности достичь желаемого блага переживают состояние глубокой психологической неудовлетворенности, дискомфорта и психологических расстройств, что обуславливает их агрессивность и крайние формы утверждения своей якобы власти над жизнями других людей, выражающей стремление элиминации их наличного бытия. Поэтому, целью статьи является обоснование сущности цивилизационного конформизма в обществе, нацеленного на рост потребления и находящегося под влиянием идеологии потребительского образа жизни. Он эволюционирует своим агрессивным содержанием, вплоть до радикальных, параноидально-террористических форм и приносит в жертву как самих «исполнителей», так и жизни других людей.

На данной стадии эволюции цивилизационного конформизма человеческая жизнь становится объектом презумпции внешнего обладания и каждый девиантный субъект потребления может присвоить себе право распоряжаться ею по своему усмотрению. Это и есть крайняя точка фетишизации индивидуальной свободы, сбросившей нравственные табу. Наступивший, при этом,

психологический сдвиг вполне может привести в действие механизм своей практической реализации – параноидальный теракт в отношении к жизни своего исполнителя или жизни других людей, получая вечную власть мнимого владения этим событием и его трагическими последствиями.

Выход из антропологического кризиса потребительского общества связан с формированием и реализацией императива другой стратегии, основанной на фактическом положении общества в мире природы как более общей системы, обуславливающей его устойчивое развитие. Это – стратегия создания новой структуры – ноосферы, гармонизирующей отношения общества и природы, а также внутрисоциальную жизнь. Построение ноосферы придает более высокий и продуктивный смысл существования человека как полионтического, активно деятельного существа.

Какие же механизмы, складывающиеся в постиндустриальном, информационном обществах, синергичное кооперирование которых во многом обуславливает эволюцию цивилизационного конформизма и нравственную деградацию в русле потребительской стратегии развития, касающейся и судеб стран СНГ?

Согласно Д. Беллу основой постиндустриального общества являются информация и знания. Систематизация же результатов теоретических исследований и материаловедения становятся основой технологических новаций. В постиндустриальном мире труд является, прежде всего взаимодействием между людьми, а природа и искусственно созданные предметы исключаются из процесса труда и повседневной практики. Постиндустриальное общество, по оценке Д. Белла, есть общество технологическое, для которого характерно возрастание роли наукоемких отраслей производства. Д. Белл считает, что в силу самой своей природы постиндустриальное общество порождает новые дефициты – дефициты информации и времени. Рассматривая два основных признака данного общества – центральную роль теоретического знания и увеличение доли сферы услуг по отношению к производящему хозяйству, Д. Белл подводит своеобразный итог своим размышлениям в оценках сути постиндустриализма и неоднозначности его социальных и моральных последствий. «Термин «постиндустриализм», – резюмирует Д. Белл, – относится, прежде всего, к изменениям в социальной структуре (технично-экономическом строе) общества и лишь косвенно – к изменениям в государственном устройстве и культуре, которые также представляют собой важные составные части общества. Следствием становится все большее расхождение между этими элементами каждые из которых теперь функционируют в соответствии со своими принципами, нередко находящимися в противоречии с принципами других» [1, с. CXLXII].

В условиях постиндустриального общества продолжает действовать механизм, основанный на идеях функциональной рациональности и эффективности, обеспечивающий повышение благосостояния и поощряющий гедонистический образ жизни. «При этом, – по утверждению Д. Белла, – общество остается без высшей идеи, которая давала бы людям ощущение цели, оно не имеет точек опоры, которые бы придавали обществу стабильность и наполняли бы смыслом человеческое существование» [1, с. CLXII-CLXIII]. Таким образом, рассматривая ряд важнейших характеристик постиндустриального общества, которые анализирует Д. Белл, в их совокупности следует подчеркнуть, что многие из них являются своеобразными факторами, обуславливающими формирование тенденций внутрисоциальных рисков и нестабильности. К таким факторам относятся: отчуждение человека от природы в процессе труда и формирование социоцентристской психологии; утрата единства основных сфер жизни общества; их автономизация, отсутствие высшей идеи и общей цели, а также высшего смысла существования человека, консолидирующей общество; сохранение антропоцентристского отношения к природе и обществу. Соответственно, постиндустриальное общество углубляет антропологический кризис и само по себе не нацелено на создание системы знания необходимого для обеспечения социопродного развития.

Анализируя кризисные явления в современных западных обществах, У. Бек также развивает идею модернизации классического постиндустриального общества, но подчеркивает, что она не ликвидирует угрозы нестабильности, порожденную потребительской стратегией индустриализма, а напротив, «размывает контуры» данного общества и, отделяясь от него, приобретают новые очертания – очертания индустриального «общества риска».

Во-первых, он подчеркивает, что в обществе риска продолжают действовать сложившиеся в индустриальном обществе тенденции взаимозависимого разрушения природы и роста угроз во всех важнейших сферах жизни социума. «Оборотной стороной обобществленной природы, – пишет У. Бек, – является обобществление ее разрушения, превращения этого разрушения в социальные, экономические и политические системы угроз высокоиндустриализованного мирового сообщества». [2, с. 8]. Во-вторых, модернизация начинает уничтожать самое себя в форме «антимодернистского»

сценария, волнующего сейчас мировую общественность и заключающегося в критике науки, техники, прогресса, появлении новых социальных движений, которые не вступают в противоречие с модерном, а являются выражением его последовательного развития за пределы индустриального общества» [2, с. 11-12].

В-третьих, У. Бек подмечает основополагающее противоречие структуры индустриального общества, которое отражает стремление масс людей к однобокому, прагматически потребительскому, узко функциональному использованию плодов социального прогресса, культуры и научного знания. Затем это стремление, вследствие роста социальной нестабильности, вызванного такого рода отношением наступает массовое разочарование и утрата веры в науку и прогресс. «Структура индустриального общества, – подчеркивает У. Бек, – основана на противоречии между универсальным содержанием модерна и функциональным устройством его институтов, в которые это содержание может быть транспонировано только партикулярно–селективным способом. Но это означает, что индустриальное общество в процессе развития само делается неустойчивым. ... Вера в науку и прогресс, – расшатывается, возникает новая двусмысленная связь между массами и рисками, т.е. вырисовываются контуры общества риска» [2, с. 16].

В своих исследованиях проблем становления информационного общества Г. Бехманн предпринимает попытку показать, что неопределенность, риски, нестабильность и неуверенность обусловлены в значительной степени имманентными особенностями развития научного знания самим содержанием применяемого знания, субъективными причинами, отношениями между людьми, социальными запросами и условиями его приспособления для удовлетворения разнообразных социальных потребностей. «Наука, – констатирует Г. Бехманн, – не в состоянии гарантировать когнитивную определенность. Иначе говоря, научный дискурс депрагматизируется. Он не может предложить окончательные или просто истинные утверждения (в смысле подтвержденной причинной цепочки) для практических нужд, но только более или менее пластичные и часто дооспариваемые допущения, сценарии и вероятностные предположения. Вместо того, чтобы быть источником достоверного знания, наука становится источником неуверенности» [3, с. 124].

Выявляется устойчивый процесс трансформации общества знания в общество риска. Важнейшей причиной такого превращения является постоянно расширяющийся заказ на производство и применение точного, технологичного, прикладного знания, которое приносит конкретные материальные потребительские блага и, вместе с тем, стимулирует рост негативных последствий и рисков научно-технического прогресса.

В современной литературе, посвященной проблемам безопасности социально-экономического развития, анализируются новые тенденции кризисного состояния постиндустриализма и процессы, обуславливающие возможности саморазрушения информационного общества. Одной из таких тенденций является отделение финансов от сектора реального производства товаров, увеличение выпуска пустой денежной массы, что ведет к снижению стабильности и безопасности, угрожающих основам жизни общества. Как отмечает С. Н. Некрасов «вопрос сегодня стоит так: безопасность экономики постиндустриальной глобализованной цивилизации «третьей волны» находится под смертельной угрозой распада индустриальной инфраструктуры, а потому безопасность общества и национальных государств возможна только при условии создания работоспособной экономики неоиндустриального типа. Эта экономика станет экономикой обеспечения социальной безопасности, что будет означать избавление от «разрушительного курса постиндустриализма» [4, с. 6].

Доминирование узкого практицизма в регуляции внутрисоциальных отношений постиндустриального или неоиндустриального обществ ограничивает использование современного мировоззренческого знания о множественно проявляющейся природе человека, обусловленной его органической включенностью в биосферу, процессы ее трансформации в ноосферу, ноосферогенез, глобальный эволюционный процесс. Это означает, что человек выполняет свои многообразные функции в контексте более общей, в сравнении с обществом, системной организации жизни, природы в целом. Его положение в мире многофункционально и противоречиво.

В своей концепции С. Н. Некрасов в определенной степени выявляет объективно действующие механизмы эволюции цивилизационного конформизма как манипулятивного приспособления процессов взаимодействия материальной и духовной жизни, перемещение проблем безопасности из базиса в надстройку, идеологического аппарата государства и гарантии экономической безопасности к окрепшей в эпоху индустриализма тенденции роста потребления и формирования потребительского образа жизни, которые развиваются и вырождаются в охраняемую сферу внутрисоциального паразитизма. Характерно, что от этой сферы зависит экономическая безопасность общества как

социального целого и поэтому государство выступает гарантом обеспечения ее бесперебойной работы. Это означает, что цивилизационный конформизм, принявший форму четко выделившихся зоны господства и воспроизводства паразитарных слоев как внутренней функции самосохранения социума, оказался органически встроенным в постиндустриальное общество. Его уже невозможно изъять или элиминировать не разрушая основ экономической безопасности данного общества. Более того, внутрисоциальный паразитизм, как радикализовавшаяся форма цивилизационного конформизма стремится к глобальному расширению своего ореола, росту паразитарного капитала, в том числе, путем отделения оборота финансов от сектора реального производства товаров. Он усиливает свои адаптивные возможности, стимулируя появление и распространение асоциальных норм молодежной субкультуры, расширяя содержание цивилизационного конформизма.

Гламуризация культуры современной цивилизации фактом своего существования репрезентирует сферу производительного труда, на котором цивилизационный конформизм «вырастает» во внутрисоциальный паразитизм, как низовой, непрестижный, «цокольный» этаж общества, где жизнь человека незаметно проходит в бессмысленном циклическом функционировании и он остается незамеченным и неизвестным. Кроме того, что цивилизационный конформизм превращается в фактор жизни общества, подчиняющей безопасности собственной экономики реальную экономику сектора производства, он изобретает наступательные средства в сфере психологической коммуникации, культуры и мировоззрения. Он разрывает целостность общества и подвергает ударам его стабильность противопоставляя сомнительные правила быстрого достижения жизненного успеха, натурный, наглядный блеск и демонстрацию своих, в действительности мимикрических способностей эгоистически – агрессивного характера правилам трудовой кооперации производительного труда и гуманистической морали социальных отношений. Особенно очевиден разрушительный характер эволюции цивилизационного конформизма в ряде стран СНГ, сделавших ставку на быстрое превращение («шоковую терапию») одного социально-экономического строя в противоположный по своим базовым основаниям. Это нарушило нравственную составляющую социума.

Так А. В. Юревич, анализируя проблемы нравственного состояния современного российского общества, пришел к выводу, что оно переживает системную нравственную деградацию. Одним из главных ее проявлений оказывается эйджизм – взаимное негативное восприятие младшего и старшего поколений. По данным социологических опросов около половины респондентов свидетельствуют о негативном восприятии молодежью старшего поколения и около 40% людей старших возрастных групп испытывают отрицательное отношение к молодежи. При этом, доминирующей тенденцией таких отношений поколений является агрессивное неуважение молодыми людьми людей старших возрастов. Самыми существенными отрицательными чертами нравственного облика современной российской молодежи (особенно «детей 90-х») являются: индивидуализм, завышенные притязания в сфере потребления, нежелание думать о будущем, нетерпимость к «моральным проповедям», неуважение к старшим, наглость, развязность, агрессивность, идея денег (неважно как заработанных) в качестве главного фактора престижности положения в обществе и оценки стоимости человека, следование принципу выгоды соблюдения законов и нравственных норм, формирования собственных нравственных норм как противовеса агрессивно-отвергаемым нормам поведения старших поколений.

Нравственная деградация общества, по оценке А. В. Юревича, имеет интернациональный характер. Она отчетливо проявилась в развитых странах Запада. Например, 1980-е годы в школах США на первый план вышли проблемы употребления наркотиков, проституция, избивание учителей, кровавые драки подростковых банд. Эти проблемы лишь обнажили характерные черты нравственного кризиса, который выступает лишь видимым проявлением обесценивания самого дорогого – человеческой жизни и ее нравственного облагораживания в постиндустриальном обществе потребления. В странах Европы более половины граждан боятся подростков как агрессивно неуправляемых. Не лучше дело обстоит в России.

По публикуемым данным в России сейчас количество убийств на 100 тыс. жителей в 4 раза больше чем в США (где ситуация в этом отношении очень неблагоприятная) и почти в 10 раз превышает их распространенность в большинстве европейских стран. По индексу коррупции Россия находится на 147 месте в мире. Богатство и известность становятся основными критериями успеха. Соответственно, сформировалось представление о морали и нравственности как ненужном анахронизме, препятствующим личному успеху и развитию экономики.

К основным факторам, обуславливающим культурно-нравственную деградацию российского общества А. В. Юревич относит: превращение в одну из главных ценностей свободы, понимаемой как

отсутствие любых правил и ограничений; существование влиятельных индивидов, пребывающих «над законом» и стимулирующих соответствующее поведение молодежи; создание культа агрессивности стараниями СМИ; пропаганду культа быстрого достижения личного успеха и др. Соответственно в 1990-е годы сформировался новый тип личности, ставшей достаточно характерным для молодежи в последующие годы [5, с. 3-10].

Таким образом, проведенный анализ проявлений культурно-нравственного кризиса общества в той или иной степени охватившего стран СНГ позволяет сделать ряд существенных выводов.

1. Признаком кризиса является разрушение устойчивой целостности поведенческих структур личности и общества в целом, резкое выделение и доминирование агрессивных форм поведения по сравнению с уравновешивающими и ограничивающими их другими адаптивными реакциями на основе принципа коэволюции. В этих условиях общество утрачивает единство, интеллектуальные и иные силы и ни в состоянии быстро перейти к конструктивной программе консолидации вокруг идеи стабильного и гуманного жизнеустройства. Цивилизационный конформизм превращается в главный фактор кризиса личности и общества, нравственной их деградации.

2. Общество не в состоянии предложить высокую цель и направить активность молодежи на ее реализацию. Молодежь нуждается в высокой цели, приобретении новой нравственности, ноосферного гуманизма и «дум высокого стремления». Заземление и обработка молодежи на идеях утилитарного материального блага лишает общество благоприятного будущего, что противоестественно для цивилизационного призвания молодых поколений. Индивидуализация тенденции утверждения цивилизационного конформизма, связанная с фетишизацией свободы воплощается в агрессивные формы достижения личного успеха за счет других людей, разрушение гуманистической морали, единства общества, обесценивание жизни. Основным генетический порок цивилизационного конформизма, выявляющийся все больше в переходных обществах – превращение средства (роста благосостояния, потребления) главную системообразующую цель общества.

3. Гламурализация паразитизма, однако, является пожалуй одной из более или менее терпеливо воспринимаемой обществом форм цивилизационного конформизма, поскольку она является детищем, хотя и одностороннего, но все же разделяемого большинством социоцентристского стремления к росту благополучия. Крайне радикальным и опасным для будущего общества потребления являются, взращенные им же способы агрессивного поведения в обществе. Одним из таких способов является терроризм параноидальный. Такой терроризм – это замешанное на некрофилии состояние извращенного сознания, которое проявляется в маниакальном влечении к цели и действиям по умерщвлению себе подобных. Маниакально-депрессивный психоз параноидального террориста вновь подвигает его к новым преступным актам поскольку его квазивласть над жизнями людей исчезает вместе с их кончиной. Торжества власти над вещами, созданными производительным трудом, оказывается недостаточно для того, чтобы паразитизм развился и утвердился в современном обществе. Логика развития паразитизма ведет от власти над вещами к ее продвижению и закреплению власти над человеческими жизнями, что и выражает стремление цивилизационного конформизма в условиях потребительского постиндустриального общества к системной завершенности и полноте квазипотребления и квазиобладания.

Решение проблем безопасности общества и человека, как и характер рисков, связанных с формированием коэволюционных механизмов согласования развития общества с закономерностями биосферы, ее переходом в ноосферу, активным построением ноосферы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл; под ред. В. Л. Иноземцева. — М. : Academia, 1999. — 506 с.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек ; пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой ; послесл. А. Филиппова. — М. : Прогресс. Традиция, 2000. — 345 с.
3. Бехманн Г. Общество знания – краткий обзор теоретических поисков / Г. Бехманн // Вопросы философии. — 2010. — № 2. — С. 17-21
4. Некрасов С. Н. Как гарантировать безопасность России в глобальном мире / С. Н. Некрасов. — Екатеринбург : изд-во УрГСХА., 2008. — 278 с.
5. Юревич А. В. «Асоциальная социализация» как основа нравственной деградации общества / А. В. Юревич // Вестник РАН. — 2011. — Т. 81. — № 1. — С. 3-10.

© Дели-Славов Д. С.

Дели-Славов Д. С. аспірант кафедри філософії естественних факультетов, Одеський національний університет імені І. І. Мечникова,

УДК 165.0

КРИЗИС ЭПИСТЕМОЛОГИИ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ВЫХОДА

Автор статті розглядає причини кризи сучасної епістемології та пропонує спробу виходу з нього. Майбутні дослідження в філософії науки будуть засновані на застосуванні системно-еволюційної парадигми.

Ключові слова: еволюційна епістемологія, системно-параметричний аналіз, епістемологія.

Автор статьи рассматривает причины кризиса современной эпистемологии и предлагает попытку выхода из него. Будущие исследования в философии науки будут основаны на применении системно-эволюционной парадигмы.

Ключевые слова: эволюционная эпистемология, системно-параметрический анализ, эпистемология.

The author of the article studies the reasons of the crisis in modern epistemology and suggests an attempt of outgoing from it. The future investigations in philosophy of science will be based on the use of the system-evolutionary paradigm.

Key words: evolutionary epistemology, system-parametric analysis, epistemology.

Целью публикации является рассмотрение кризиса в современных эпистемологических исследованиях и предложение путей выхода из него, одним из которых может стать использование Параметрической теории систем.

В настоящее время в развитии научного познания идёт процесс формирования социально-ориентированной эпистемологии. Ко времени институционализации естествознания к началу XIX в. проявились наиболее серьёзные признаки эпистемологического кризиса. В XX в. сложилась парадоксальная ситуация: в обществе росло производство знания и информации, создавались новые концепции знания, а в философии критически оценивались существовавшие методологические концепции, как не соответствующие новым идеям и не удовлетворявшие потребностям науки.

Один из путей выхода из обозначившегося кризиса эпистемологии – внедрение в исследования по философии науки идей эволюционной эпистемологии (Э.Э.).

Из истории становления Э. Э. Наиболее значимые направления Э.Э. – эволюционная теория познания К. Лоренца, Г. Фоллмера, натурализованная эпистемология У. Куайна, генетическая эпистемология Ж. Пиаже, эволюционная теория науки К. Поппера и Ст. Тулмина, радикальный конструктивизм Э. Глазерсфельда, «биолингвистика» Н. Хомского и Ст. Пинкера. Э.Э. использует многочисленные идеи и теории естественных наук при решении проблем эпистемологии. В рамках Э.Э. можно выделить два направления. [1] Первое – рассматривает эволюцию познавательных способностей человека. Второе – рассмотрение биологической эволюции как модели развития науки. Это концепции К. Поппера, Ст. Тулмина, Т. Куна, И. Лакатоса, П. Фейерабенда и Дж. Холтона. Фундаментальное допущение Э.Э., которое выступает своего рода общим знаменателем имеющихся здесь школ и направлений, сводится к следующему тезису: люди, подобно другим живым существам, являются продуктом эволюционных процессов и их мыслительные способности, их знание и познание направляются механизмами биологической эволюции. Поэтому изучение эволюции равносильно пониманию феноменов знания и познания.

Причины кризиса: Смена типов рациональностей и, соответственно, типов наук. В историческом развитии науки, начиная с XVII столетия, исследователи выделяют три типа научной рациональности и, соответственно, три этапа развития науки в рамках развития техногенной цивилизации: классическая, неклассическая и постнеклассическая наука. В классической науке господствовал образ неизменной, статической науки, основанной на незыблемых критериях научности, непроверяемых ее поступательным развитием. Процесс познания объективной реальности предполагал полное разграничение субъекта и объекта. Считалось, что особенности субъекта не сказываются на результатах познания. Развитие науки – процесс накопления твердо установленных истин. Неклассическая наука формировалась в процессе преодоления кризиса методологии и разрушения незыблемых критериев научности классической науки. Начавшись в физике как поиск выхода из кризисной ситуации на рубеже XIX и XX веков, он постепенно